

УДК 82:801

СНОВИДЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В СКАЗКЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА «ЦАРЕВИЧ»

© 2011 Т.А.Полякова

Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина

Поступила в редакцию 30 декабря 2010 г.

Аннотация: Целью данного исследования является рассмотрение мифопоэтики сновидений в эпической сказке Г.Д. Гребенщикова «Царевич». Мифы и легенды, связанные с судьбой русского императора — Николая II и его семьи, легли в основу сказочного дискурса писателя. В мифопоэтическом пространстве произведения представлено не столько историческое, сколько сказочно-мифологическое повествование о судьбе царевича Алексея. Актуализируя символы сновидений, автор предсказывает будущее России, которая для него — страна надежд и откровений, страна Божественного Света.

Ключевые слова: эпическая сказка, мифопоэтика, сновидения, хронотоп, философия, символ.

Abstract: The aim of the given research is to consider mythopoetics of dreams in G.D. Grebenshchikov's epic fairy tale «Tsarevich». Myths and legends connected with the destiny of the Russian emperor Nikolai II and his family are used as the basis of fairytale discourse of the writer. In mythopoetic space of the work not so much historical but fairytale and mythological narration of tsarevich Aleksey's destiny is represented. By using symbols of dreams the author predicts the future of Russia, which is the land of hopes and revelation, the land of Divine Light for him.

Key words: epic fairy tale, mythopoetics, dreams, chronotop, philosophy, symbol.

Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882–1964), один из наиболее крупных и значительных русских писателей-эмигрантов XX столетия, оставил богатое литературное наследие, лучшие страницы которого обращены к трагической судьбе России. Большую часть своей жизни он прожил в эмиграции, но и там все его мысли и надежды были связаны с Родиной.

Писатель в течение всей своей нелёгкой эмигрантской жизни обращается не только к актуальным проблемам современности, но и к исторической действительности, к трагическим страницам русской истории XX века. Материалы из фондов Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИ-ЛИКА, г. Барнаул), а также материалы из фондов частного архива свидетельствуют, что его интерес к трагическим событиям 1918 года, — расстрелу царской семьи — не был случайным. Эта трагедия стала для него кульминацией преступлений революционного периода.

«Царевич»¹ — эпическая русская сказка XX века (жанровое определение самого автора), написанная в последний период творчества писателя, посвящена светлой памяти царевича Алексея Николаевича. Писатель слагает свой миф о судьбе императорской семьи, её наследника. Мифопоэтика оказывается здесь наиболее приемлемым средством выражения драматичных и судьбоносных дней России.

В «Царевиче» разворачивается сказочно-мифологическое повествование, в основе которого — сновидческий хронотоп. Бессознательное является областью мифопоэтики, в которой легче всего приблизиться к двоемирию, к пограничной ситуации между реальностью, явью и пространством инобытия. Герои сказки словно перемещаются из

¹ Сказка Гребенщикова «Царевич» была написана в тридцатые годы XX столетия, в Южной Калифорнии (США). В электронном каталоге трудов писателя (<http://grebenshchikov.ru>) есть только упоминание об этом произведении, но сам текст сказки отсутствует. Однако нам повезло разыскать рукопись «Царевича» в частном архиве.

потустороннего мира в мир дольний, и это своеобразное спонтанное перемещение способствует «разворачиванию» сюжета, проясняет глубинную символическую структуру.

В сказке Г.Д. Гребенщикова обнаруживается особая типология сновидений: *сны-предчувствия, сны-проспекции, космогонические сны-прорицания, сны-прозрения или сны-просветления (когда найден выход из сложившейся ситуации), сны-разоблачения, сны-наваждения*. К первым двум типам относятся знаковые сновидения Царевны, третий выступает в качестве сна-прозрения — «довѣрчиво забылся» в нём Царевич, четвёртый сон — типичный сон разоблачения — «то явь ... или видѣние во снѣ» Всеслава, и пятый — обладает характерными чертами магического сновидения: это «злое навожденье»² или «страшное видѣнье», отраженное в магическом шаре Волшебника, и имеющее катастрофические последствия в художественном пространстве сказки.

Сновидения в гребенщиковском «Царевиче» вписаны в философско-мифологический контекст, имеющий непосредственное отношение к онтологической схеме в жизни героев.

Особая роль при этом принадлежит сновидческому пространству, в котором возникают герои, в частности, — Царевич и русские князья — Всеслав и Святополк.

Автор актуализирует здесь функцию проспекции: это настоящий *сон-прозрение*, важнейшим конститутивным признаком которого является обращение к символическому мирообразу. Сновидение в гребенщиковской наррации всегда имеет особый смысл, в данном случае оно сигнализирует о судьбах героев сказки, о судьбе России, образ которой является своеобразным центром повествования.

Следует отметить, что забылись в этом сне герои после бессонных дней и ночей «лишь на третью ночь». Известно, что в мифопоэтической парадигме числа выступают в качестве особого кода, «с помощью которого описывается мир, человек и сама система метаописания» [1, II, 629]. В архаичных традициях числам придавалось сакральное, «космизирующее» значение. Так, функция чисел очень актуальна в древнекитайской мифопоэтической традиции. Эзотерическая философия чисел гласит, что «числа и вещи неотделимы друг от друга и образуют континуум без начала и конца („числа управляют миром“» [1, II, 630].

Число *три* — одно из самых значимых в религии, символогии и мифологии. В нумерологии это число «имеет ключевое слово „созидание“» [2, 649]. Согласно Велимиру Хлебникову законы мира совпадают с законами счёта. «Власть под

2 Орфография соответствует рукописи.

знаком три соединяет события и противособытия во времени» [2, 652]. Для многих культур тройка³ являлась первым «настоящим» числом, с которого начинали счёт. Оно не только открывает числовой ряд, но и «квалифицируется как *совершенное число* (Курсив наш. — Т. П.)» [1, II, 630]. Закономерно, что и в сказках герои обычно имеют три желания, выдерживают три испытания или три попытки, чтобы добиться благоприятного результата. В «Царевиче», как и надлежит волшебной сказке, действует всё тот же *закон троичности*: герои (Царевич, Всеслав и Святополк) «изнемогали въ печали» три дня и три ночи, «всѣ трое сѣли около святого, /Чтобы вкусить познания неземного...» [3, 36] и, наконец, «довѣрчиво забылись въ крѣпкомъ снѣ» [3, 37]. Приём *троичности* здесь предназначается не только для усиления напряжения или придания сказке композиционной стройности, но, как нам видится, для актуализации дальнейших событий и решений, принимаемых героями, ключевых моментов в их жизни и в судьбе Родины.

Известно, что «в фольклоре и преданиях объединённая сила трёх героев символизирует *трёхчастную природу мира (неба, земли и воды), и сущности, и жизни человека: тело, душа и дух; рождение, жизнь и смерть* (Курсив наш. — Т. П.)» [4, 267]. Может быть, поэтому писатель обращается к пространственным знакам, универсалиям, актуализирующим трёхчленную мифологическую вертикальную картину мира: земля — вода — небо, где именно символ водной стихии (луна) выступает элементом, связывающим противоположности — *небо и землю*.

Луна — сложный амбивалентный образ. Уже в мифологическом сознании античности Луна воспринимается не только как богиня ночного света, но и как владычица судеб земли и моря. С одной стороны, являясь знаком воды и водной стихии, Луна обнаруживает символику великого питающего начала, выступает «как важный посредник между небом и землёй» [2, 430]. Это эмблема постоянных изменений и преобразований в природе. С другой стороны, в мифологическом

3 В Древнем Китае цифра три почиталась как символ святости, законности, почёта и утончённости. В Японии это число считалось сакральным, употреблялось в религиозных церемониях и в обычном счёте не использовалось. Число три — это ещё и символ достаточности, «который одинаково подходит для измерения любых понятий: «прошлое — настоящее — будущее, да — не знаю — нет...» (См.: Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. — М.: Астрель: АСТ, 2007. — 723, [5] с. — С. 649). Символизируя «достаточность», троекратное «повторение какой-либо молитвы, или любого другого зывания» (См.: Там же. — С. 650) — «есть оптимальный вариант для достижения задуманного» (См.: Там же. — С. 650).

противопоставлении солнца и луны первое «отвечает за огненную активность и жизнь явленного мира» [2, 427], а второе «рассматривается как проводник к скрытым, не явленным феноменам жизни и природы» [2, 427].

Лунный свет и земной огонь имеют в мифологии различную символику: это стихия разрушения, очищения, созидания. В сказке важен земной огонь — костёр, рождающий чувство гармонии, тишины, покоя. Вместе с тем, костёр выступает как стихия огня, соединяющая *небо и землю*.

Въ лучахъ луны дымокъ струился къ небу (Курсив наш. — Т.П.)

Отъ мирнаго походнаго костра [3, 37].

Небесная сфера в «Царевиче» — это особое гиперпространство, определяющее жизнь и судьбу земного мира. На земле живут небесные знаки, которые пытаются разгадать гребенщиковские герои. Поэтому «всю ночь подвижникъ [Святой Георгий] молится безсонно» [3, 37], и его моление о восстановлении мира на грешной русской земле услышано небесами.

Так, представленное в сказке Гребенщикова «пограничное» сновидческое пространство, промежуточное между сном и явью, указывает на особый характер увиденного. Это *сон-просветление*. Очнувшись, Царевич полон сил, он знает, что его страдания не напрасны, что несмотря на тяжелые испытания, России принадлежит великое будущее. Решительная речь «законного русского цесаревича» подтверждает, что «государь всея России» [3, 39] надеялся, «что ... народъ окажется достойнымъ / Хозяиномъ Руси многоплеменной...» [3, 39]

Свидетельство этому — обращение Царевича к небесному покровителю России, великому Георгию Победоносцу за помощью в его тяжёлой борьбе с «братоубийственной смутой». Святой Георгий Победоносец молится в лесу о спасении русского народа, Отчизны «безъ тяжкихъ жертвъ, безъ крови и насилій» [3, 39]. А русские князья Всеслав и Святополк тем временем отправляются восстанавливать «закон въ его благомъ предѣлѣ» [3, 39], чтобы «примѣромъ показать на дѣлѣ, / Что мы не зря Христово имя носимъ...» [3, 40]

Два могучих витязя — рыцари-освободители, «съ надеждой богоносной» отправляющиеся в путь по реке, обладают подлинными рыцарскими качествами: они храбры, мужественны, бесстрашны и сильны. Известно, что «рыцарство означает *путь* высшего порядка, который помогает превращению обычного человека ... в человека духовного...» [2, 573] Не случайно, Святой Георгий Победоносец является в том числе и покровителем рыцарства. Обращает на себя внимание тот факт, что заступниками Руси,

рыцарями-освободителями, являются Всеслав и Святополк, древнерусские князья, у которых различная историческая судьба⁴, но которые, пребывая в пространстве инобытия, становятся помощниками в деле спасения Руси-России. Эти воины-освободители, словно *чёрные рыцари*, «идут путём искупления своих и чужих грехов, путём побед над земными соблазнами» [2, 574].

Символично, что их путь проходит по водному пространству: река в мифологии может обозначать в том числе и созидательное начало. Образ космической реки, многократно трансформирующийся в народном сознании, символизирует семантический инвариант, — знак пути, дороги, стремления, движения; в том числе «необратимого потока времени и, как следствие этого, — потери и забвения» [2, 555]. Такой символ движения имеет особый вектор — он определяет судьбу России:

Плыть по течению рѣки не трудно,

Но сколько нужно силъ и воли смѣлой

Для просвѣтлѣнія души осатанѣлой,

Для пробужденія спящихъ непробудно... [3, 45]

Здесь *река* включена в сакральную топографию. Поскольку водная стихия — это путь, в конце которого героев (Всеслава и Святополка) ждёт испытание: «...тамъ, гдѣ кончится великая рѣка, / Нас ожидаетъ часъ судьбы суровой...» [3, 45] — спасение Руси от братоубийственной распри, от кровавого плена.

Это не только путь преодоления, но и путь искупления вины за убийство императорской семьи:

Все выкрики и месть будут напрасны,

Пока все мытари не принесут повинной;

Пока не понесет возмездия народ

За то, что он содеял в дни свобод [3, 44].

Автор не случайно вводит архетипический символ «река» в концептосферу вечности: «рѣка

4 Всеслав. Возможно, это Всеслав Брючиславич — древнерусский князь и полоцкий князь с 1044, который неоднократно нападал на земли русские: Псков, Новгород. В 1067 году был разбит на реке Немиге (Немизе) братьями Изяславом, Святославом, Всеволодом Ярославичами, которые захватили его в плен во время переговоров. В 1068 году во время бунта киевлян был освобожден из темницы и по воле веча был избран киевским князем. Тайно бежал в Полоцк, откуда был изгнан Изяславом, но затем вновь утвердился в Полоцке и упорно боролся с князем Всеволодом Ярославичем и его сыном Владимиром Мономахом за сохранение самостоятельности Полоцкого княжества. Святополк. Вероятно, это Святополк Изяславович (1050–1113), древнерусский князь, полоцкий князь (1069–1071), новгородский князь (1078–1088), туровский князь (1088–1093), киевский великий князь (с 1093); сын Изяслава Ярославича, который вместе с Владимиром Мономахом совершал успешные походы против половцев.

течеть, как вѣчность, величаво» [3, 45]. Всё вливается в реку-вечность: ничто не исчезает в этом потоке, в том числе и людские преступления. Поэтому образ реки преобразуется, превращается в знак бесконечного, безблагодатного пути — пути обречённых:

И долго будут помнить поколения
Век наших смут и общаго паденья,
Как в страхе рабском, разуметь не смея,
Народ Российский поклонялся Змею... [3, 44]

Нередко сновидческая картина повторяется, что является сигналом её особой функциональности. Так, первая встреча двух витязей-рыцарей с Царевичем происходит «как будто в сновидѣнии», вторая — приходит в крепком сне. Повторение не может быть случайным, оно сигнализирует о каком-то весьма важном моменте русской истории. При первой встрече Святополк и Всеслав не верят своим глазам:

То явь была или видѣние во снѣ:
Какъ будто самъ Святой Георгій на конѣ
Насъ ждеть на высотѣ скалы высокой...
Какъ будто бы Царевичъ насъ встрѣчаетъ
И для спасенія Руси благословляетъ... [3, 45]

Вторая встреча —
Все тотъ же сонъ: беззвучно и красиво
Подъѣхаль на конѣ Пресвѣтлый Воинъ...
За нимъ — Царевичъ. Ликъ его спокоенъ,
Подъ нимъ ретивый, золотистый конь —
Глаза коня, как яхонтъ, грива, какъ огонь...
[3, 46]

Этот *космогонический сон-прорицание* имеет смылосозидающую функцию. Мифическое сознание писателя обращено к поиску и утверждению тех великих основ бытия, которые управляют реальной жизнью. В связи с этим любопытен уцелевший обо-

рванный листок из частного архива писателя: «О политическом и духовном состоянии мира — говорить можно лишь лично, от души к душе. Погибнуть Добро также не может, как не может исчезнуть Бог. Но факт, что человечество и не желает быть спасённым — оно просто морально пало и подняться нет охоты. А охотников спасать падаль — тоже почти нет на свете. Единицы — бессильны.

Но неисповедимым Промыслом Божиим — Добро воссияет и избранные подвижники поведут остатки человечества к новым ступеням восхождения в Царство Божие. Да, Добро посрамит зло путем, нами не отысканным, не угаданным» [5, 1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. — М. : Советская Энциклопедия, 1982. Цитаты в тексте статьи приводятся по этому изданию с указанием тома римскими цифрами, страниц арабскими.

2. Иллюстрированная энциклопедия символов / сост. А. Егазаров. — М. : Астрель: АСТ, 2007. — 723, [5] с.

3. Гребенщиков Г.Д. Царевич [Машинопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Машинопись (84 л.). Цитаты приводятся по этому изданию согласно орфографии и пунктуации рукописи.

4. Баешко Л.С. Большая энциклопедия символов / Л.С. Баешко, А.Н. Гордиенко; под ред. О.В. Перзашкевича. — М. : ЭКСМО, 2009. — 304 с.

5. Гребенщиков, Г.Д. О политическом и духовном состоянии мира... [Рукопись] // Г.Д. Гребенщиков. Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов частного архива. Рукопись (1 л.).

Полякова Т.А.
Елецкий государственный университет имени И.А.
Бунина, доцент кафедры русской классической ли-
тературы и теоретического литературоведения,
tpolyakova1@yandex.ru

Polyakova T.A.
assistant professor of the department of Russian classic
literature and
the theory of literary criticism.